

Навстречу VIII Всесоюзному
совещанию молодых литераторов

Все ближе и ближе
VIII Всесоюзное совещание
молодых литераторов. Один из
его участников уже имеет
опыт публикации, были
замечены читателями и
критикой, имена других
первыми прозвучат на
творческих семинарах, которые
будут вести известные
прозаики и поэты, критики и
драматурги.
Право на дебют и начало
творческой биографии, первая
публикация и первая книга —
эти вопросы и стали темой
беседы корреспондента
«Литературной России»
с Булатом Окуджавой.

Булат ОКУДЖАВА:
«ВСЕ ЗАВИСИТ
ОТ ТАЛАНТА...»

МАСТЕРА —
МОЛОДЫМ

лось — в «Дне поэзии», напри-
мер, но, как правило, не самые
удачные вещи (они почему-то
всегда легче проходят). А Вы-
соцкий был поэт — со сво-
ей темой, со своим голосом,
И вышли-таки и первый боль-
шой авторский диск, и пер-
вая книжка. Книжка Высоцкого
«Нера», несмотря на ее доста-
точно полный объем, по-моему,
получилась не совсем удачной.
Конечно, она была необходи-
ма — как память, но, видимо,
не следовало с ней торопиться,
нужно было, на мой взгляд, из-
дать сперва совсем небольшое
«Избранное» из лучших стихов
поэта.

это очень трудно теперь — нет
уже ни того лирического героя,
ни той раскованности, которая
была когда-то. Все равно что
то изредка появляется. И одно
другое не вытесняет, слеза бо-
гу.

— Наверное, проза — бо-
лее «ответственное» заня-
тие? Новое стихотворение
или песню можно «обнажить»
на публике — получить пред-
ставление о том, насколько
что-то удалось или нет, по
реакции зала — ведь тут
отклик почти мгновенный и
всегда есть возможность
что-то исправить. А опубли-
кованные поэзия или ро-
ман тут же выходят из-под
контроля автора, он, по
крайней мере до повторного
издания, больше не в со-
стоянии что-то изменить,
как-то повлиять на оценку
своего труда читателями и
критикой.

— Да, конечно. И не только
более «ответственное», но и в
этом смысле более незащищен-
ное занятие. И именно в об-
ласти взаимоотношений с кри-
тикой. Признаться, мне в жизни
порядком доставало от кри-
тиков — и за стихи, и за про-
зу. Но открыл один секрет:
критические выпады никогда не
становились для меня серьез-
ными уроками. Может быть, от-

— Принято говорить, что
книги — это дети автора. А
что вы можете сказать о
своих «родительских» чув-
ствах после того, как вещь
написана?

— На первых порах я всегда
восторженный поклонник каж-
дой возникающей строчки. Ме-
ня восхищает сам процесс. Но
стоит только поставить точку —
начинаются сомнения. И если
я читаю кому-нибудь только что
написанные стихи, я читаю их
глазами уже этого человека, и
ощущение множества «несовер-
шенств мучает меня. Бывает,
правда, так, что по прошествии
многих лет досадные несовер-
шенства превращаются в досто-
инства, но я этого, как прави-
ло, уже так остро не восприни-
маю, потому что передо мной
стоят другие задачи и новые
восторги охватывают меня и
«состоявшиеся» не удовлетво-
ряют, а иногда даже и раздра-
жают. Это в равной степени от-
носится и к прозе. Вот сейчас
я опубликовал новый роман
«Свидание с Бонапартом». Я
писал его с упоением, и мне ка-
залось, что я для себя самого
достиг очень высокой ступени.
С выходом же романа восторг
поумерился. Представляю, что
начнется завтра...

— Булат Шалев, раз
уж зашел разговор о вашей
прозе, то хотелось бы спро-
сить вот о чем: почему все-
таки — историческое пове-
ствование? Что за этим —
ваш интерес к конкретной
исторической эпохе или
может быть, какая-то ассоци-
ативная связь?

— Что для меня историческая
проза? Я думаю, что вообще ис-
торическая проза пишется ли-
бо тогда, когда автор хочет на-
писать историческую личность
или историческое событие, либо
это просто повод для самовыра-
жения. В некоторых случаях это
слияние того и другого. Иногда
историческими романистами на-
зывают, к сожалению, просто
иллюстраторов истории. Это то-
же, наверное, необходимо — как
фильм-балет для тех, кто не мо-
жет попасть в театр, но, по
большому счету, в самом опре-
делении «историческая проза»,
на мой взгляд, содержится не-
точность. Что, «Война и мир» —
только исторический роман? Для
меня есть просто худо-
жественная литература и худо-
жник, который выполняет
единственную во все века за-
дачу: средствами, имею-
щимися в его распоряжении, вы-
ражает себя. А на каком мате-
риале — историческом или со-
временном — по-моему, не
столь важно.

— Вашу книгу «Март ве-
ликодушный» составили сти-
хи и песни. А читая ее,
между ними четкую грань
не проведешь? Столь
музыкальна звуковая ор-
ганизация стихов и креп-
ко поэтическая ткань пе-
сен, которые полноправно
существуют в книге, да-
же лишенные музыкального со-
провождения. Это же мож-
но сказать о лучших пес-
нях Новеллы Матвеевой,
Владимира Высоцкого — их
можно «читать глазами».
Конечно, у магнитофона
есть свои преимущества, но
книгу он все-таки не заме-
нит.

— Спасибо на добром слове.
Мне трудно говорить за моих
товарищей, но для меня, конеч-
но, в этом «эстрадном» жанре
главное — стихи, и я люблю
читать их, как говорится, «гла-
зами». И должен сказать, что
именно здесь случаются нехи-
жидные парадоксы: очень
эффектные «песни», напечатан-
ные на бумаге, становятся сла-
быми и невыразительными, а
для меня это всегда большая
потеря.

Знаю, что так же, как и я,
относился к поэзии Владимир
Высоцкий — в своих песнях
ценил прежде всего стихи.
Как мечтал он увидеть свою
книжку! Не книжку даже — хоть
строчку своих стихов опублико-
ванную. Иногда что-то и печата-

части это можно отнести за
счет уровня той критики, ко-
торой я удостоился? Конечно,
обидно, когда критик в той или
иной статье обнаруживал мои
слабости или то, что я не су-
мел, — это где-то откладыва-
лось, становилось, так сказать,
«писательским опытом», но уж
совсем бесполезными оказа-
лись советы писать так или
эдак. И всегда ужасно огорчала
невозможность ответить на уп-
реки за искажения, которых
нет на самом деле. Например,
один критик, написавший ре-
цензию на роман «Бедный Ав-
рессимов», отругал меня за фра-
зу «удобности производят ре-
волюции» — он считал, что я
настолько неграмотен. А я взы-
ае из письма Пестеля, в кото-
ром тот писал о своем поколе-
нии, что они учились «удобно-
сти производить революции».
Критик упрекнул, что это моя
ошибка, а я не мог ему от-
ветить, что это пестелевы слова
буквально. Вот такие вещи му-
чают — непонимание, идущее от
незнания.

— Вернемся к проблемам
молодых литераторов. При
нынешних издательских
планах частично автор по-
лучает первую книжку лет

через пять — семь после сво-
его дебюта. А легко ли дан-
гаться дальше с балластом
неопубликованных рукопи-
сей? Или вы считаете, что
начинающему автору не сле-
дует торопиться с публика-
циями, с первой книжкой?

— Конечно, торопиться не
следует. Перед своей первой
книжкой я печатался в перио-
дике мало и теперь об этом не
жалею. Одно стихотворение про-
шло в «Молодой гвардии» —
слабое стихотворение было,
но, по случаю, по теме подо-
шло. И в 55-м была публикация
в подборке молодых поэтов в
«Новом мире» перед совеща-
нием молодых писателей — два
стихотворения прошли ужас-
ных...

Наконец вышла первая книга,
состоящая из таких вот стихов,
и никто на нее не обратил вни-
мания. Потом я многое понял,
многое пересмотрел, не торо-
пился с изданием, а рукопись
все-таки заметили, она сама по
себе заинтересовала других, и
у меня, уже взрослого человека,
вышла, по существу, первая кни-
га в «Совписе», от которой
я не отказывался и сейчас.

Но книга молодому поэту, ко-
нечно, приносит много радости.
Как открыла меня вторая кни-

га — «Острова! Совершенно
ненький сборник в три десятка
стихов... Помню, с каким
ликованием побежал в книж-
ный магазин и спросил, не
поступала ли к ним моя книжка.
«А как ваша фамилия?» Я от-
ветил: «Окуджава». Мне сказали:
«О! А мы думали, это перевод
с японского, и не заказали...»
Все было и курьезное, и радо-
стное. У меня было очень много
экземпляров, которые я дарил
направо и налево — это тоже
очень приятно.

— Тридцать с лишним лет
назад вы пришли учеником
к Антокольскому. А сегодня
и вам, мастеру, идут моло-
дые поэты — за советом,
поддержкой, за напутстви-
ем. Что вам, Булат Шале-
вич, хотелось бы сказать в
довершение нашей беседы
молодым авторам, только-
только вступающим в лите-
ратуру?

— Должен признаться, мне ча-
сто приходится встречаться с
18–20-летними молодыми людь-
ми, пишущими стихи. Часто они
вполне грамотны поэтически, но
не поэты — просто люди, уме-
ющие рифмовать. В их стихах
нет «открытия», а без этого нет
поэта. Представьте себе: все
замечательно, все гладко, знако-
мо и вторично — и уже давно

«открыто». Можно ли по таким
стихам с уверенностью говорить
об их будущем? Я не берусь. И
что доказывать в таком случае
публикация, пусть даже в самом
солидном издании? Я понимаю,
что печатание — это право на
известность, на удачу, на выход
в свет. Но главное — безумство
творчества, стремление создать,
а не опубликовать, жажда выра-
зить себя, выкрикнуть что-то
свое. При этом будет много уда-
ров, неудач, отчаяния, которые
— да простят меня читающие э-
строки — я считаю необходимы-
ми. Все остальное зависит от
фортуны, а не от участия папе-
нок, маменек и покровителей
разного рода. Рассказывают — не
знаю, было это в действитель-
ности или нет, но по-
хоже, что было: пришел однажды
молодой поэт к Мандельштаму и
жаловался, что его не печатают,
и Мандельштам вынул его и
крикнул вслед: «А Гомера пе-
чатали?»

Не будучи судьей, я всегда
желаю молодым счастливой
судьбы, придумать которую
нельзя: ведь все зависит толь-
ко от таланта.

Беседу вел
Георгий ЕЛИН

я начал писать всерьез только
после войны, потому и оказался
«примкнувшим» к следующему
поколению — Евтущенко, Ахма-
дулиной, Вознесенского, Рож-
дественского. Мы вместе «вы-
шли в люди» в конце 50-х го-
дов, вместе «прошумели», да и
по всем признакам я принадле-
жу именно к этой группе, за
которой с легкой руки торопи-
ливой критики закрепилось оп-
ределение «эстрадная поэзия».

— А как вы определи-
лись в своей общности, сво-
их привязанностях?

— Все произошло очень ес-
тественно. Мне нравилась поэ-
зия Евтущенко, Ахмадулиной,
Вознесенского — их имена
были у всех на слуху, по-
этому не мудрено, что мое вни-
мание тоже было привлечено к
ним. И, когда мы познакоми-
лись, я тоже вызвал их интерес,
понравился; они в свою очередь
тоже отнеслись ко мне с вни-
манием, хорошо меня приняли.
А это всегда располагает.

— К тому времени вы бы-
ли автором стихотворного
сборника, изданного в Ка-
луге, то есть можно гово-
рить, что ваш поэтический
дебют тогда уже состоял-
ся?

— Честно говоря, ту самую
первую книгу я началом не счи-
таю: ее составили ранние
стихи, не характерные для меня.
Фактически же моя первая
книга — сборник «Острова»,
вышедший в конце 1959 года в
«Советском писателе»; в «Ос-
ровах» я уже был тем, каким
остался до сегодняшнего дня.

Кстати сказать, моя первая
книга в Москве вышла благода-
ря участию Евгения Евтущенко.
Я тогда только приехал из Ка-
луги, работал редактором в
«Молодой гвардии», писал сти-
хи потихонечку, почти не печат-
ался — основная кипа стихов
скапливалась в папке. И одна-
жды — как помню, было это в
57-м году — пришел ко мне
совсем юный тогда Женя Евтущен-
ко. Мы о чем-то говорили,
а уходя, он попросил дать ему
мои стихи — почитать. Я с охо-
той отдал ему эту папку, и он
ушел. И вдруг дня через три
мне позвонили из издательства
«Советский писатель» и сказа-
ли, что моя рукопись отдана на
рецензирование Павлу Григорье-
вичу Антокольскому. Тут я от
неожиданности словно впал
в полубоморочное состояние —
даже толком ничего не смог
спросить. Это издательство бы-
ло для меня тогда чем-то недо-
сягаемым (я даже не знал его
адреса), о том, что я когда-
нибудь смогу издавать там свои
книжки, я и мечтать не мог. Мне
даже подумалось сперва, что
меня разыграли: с одной сторо-
ны было радостно, а с другой —
тревожно.

В течение недели я ходил сам
не свой, в некотором шоке. Но
вот прошло дней десять, мне
позвонили из издательства и
сказали, что есть рецензия Ан-
токольского. И тогда я узнал
адрес «Советского писателя»,
поехал в издательство, мне да-
ли эту рецензию прочесть. В

— Да, я ближе по возрасту
к тем военным поэтам. Но они
писали стихи уже на фронте, а

ней было очень много лестных
слов: Павел Григорьевич нехи-
ждно высоко отозвался о моей
рукописи, хотя в конце рецен-
зии отметил и большое количе-
ство недостатков, натяжек. Но
главное — рукопись была одо-
брана и рекомендована к изда-
нию, и затея уже обретала
какой-то реальный характер. Все
это было настоящим праздни-
ком тогда для меня, неожиданным
и очень большим...

Антокольский, конечно, меня
не знал и не помнил, когда пи-
сал эту рецензию. Вероятнее
всего, Евтущенко сказал ему
какие-то добрые слова об этой
рукописи, и, надеюсь, Антоколь-
ский тоже что-то увидел в моих
стихах. Мне подарили эту ре-
цензию — она до сих пор у ме-
ня хранится и очень мне доро-
га... Если бы сейчас о моих
стихах написали так, то, может
быть, я воспринял бы это ина-
че и рецензия меня бы не удо-
летворяла — она была очень в
общем-то сдержанная, но для
первой книжки тогда, для со-
вершенно безвестного человека
мнение такого уровня многого
стоило.

— Сейчас в журнальной
и издательской практике
очень распространены все-
го рода предисловия и
«врезки» и подборки стихов
молодых авторов. Как пра-
вило, они выкраиваются из
внутренних рецензий. Но,
случается, видишь и такую
картину: начинающий поэт
развивает такую бурную
деятельность, «организовы-
вал» наступательное слово
за подписью магистро-го пи-
сателя, словно только от
этого зависит право на де-
бют...

— О праве на дебют мне труд-
но говорить, потому что я —
удачник. Но я должен вам ска-
зать, что поддержка известного
мастера — вещь немаловажная в
творческой судьбе начинающе-
го. Если, конечно, это происхо-
дит естественно, вытекает из
одаренности дебютанта и из
горячего участия старшего по-
цеху. А провидные ловкачи, как
и везде, к сожалению, в нашем
«святаям деле» тоже встречаются.
Что же касается моего лич-
ного опыта, то ведь Евтущенко
взял мою рукопись в то вре-
мя, когда я был уже сло-
жившимся поэтом. Мне бы-
ло тридцать три года. Я до
этого никогда никого ни о чем
не просил. Никогда. Кроме дав-
него похода к Антокольскому, я
один раз встречался с Пастерна-
ком (в те же годы) и тоже для
того только, чтобы посмотреть
на него и прочитать свои стихи
— никаких практических возде-
лений не было. Да в то время
они не очень-то были и приняты.
И получилось все как-то само
собой: Евтущенко вывел ме-
ня в люди с помощью Павла
Григорьевича и других благоже-
лательных лиц в издательстве.
Сразу признаюсь: я счастливый
человек — моя литературная
судьба, несмотря на все «хищи-
ки», очень удачно сложилась.
Это не кокетство — я знаю мно-
гих людей, которым было гораз-
до труднее.

— Почти одновременно с
выходом вашей первой «сов-
писовской» книжки состоял-

ся и ваш дебют на эстраде,
когда вы впервые сами ста-
ли исполнять свои стихи.
Определение «эстрадная
поэзия» в большей мере
обязано своим появлением
именно вашей гитаре...

— Говорю о своем везении, а
ведь первая моя большая пла-
стинка вышла ровно через два-
дцать лет после начала — в 1976
году, — привыкание к новому
жанру требует времени. Могу
себе представить, как восприни-
мали это некоторые люди, когда
я впервые появился на эстраде,
— все было непонятно: и стихи,
и музыка, и сам исполнитель,
уже немолодой и с гитарой...
Многие усмотрели в этом пош-
лость. То и дело появлялись
фельетоны, порой — оскорби-
тельные. И не только на меня...
Мы ведь много выступали. Но
время делало свое дело: слабые
вещи оно отбросило, более удач-
ные остались. Да и не сказал
бы я, что мы болезненно реаги-
ровали на критические выпады,
наоборот — это придавало нам
полюмического задора. Кстати,
именно очередной едкий фелье-
тон побудил Союз писателей об-
судить мою книгу. Обсудили и...
единогласно приняли в творче-
ский союз. Вскоре увидела свет
еще одна книга, пришла извест-
ность, и так — под шумок, под
гитару — дело тронулось. Гита-
ра мне очень большую службу
оказала — практическую.

А потом на фоне «гитарного»
бума и всего, что вокруг него
происходило, я показавшись таким
патриархальным, что меня в при-
мер приводить стали. Помню,
была большая радиопередача о
студенческой песне. И в ней про-
тивопоставили старую студенче-
скую песню песне современной.
Так вот эта «старинная» песня
была... моей песней «Возьмем-
ся за руки, друзья».

— Вашу книгу «Март ве-
ликодушный» составили сти-
хи и песни. А читая ее,
между ними четкую грань
не проведешь? Столь
музыкальна звуковая ор-
ганизация стихов и креп-
ко поэтическая ткань пе-
сен, которые полноправно
существуют в книге, да-
же лишенные музыкального со-
провождения. Это же мож-
но сказать о лучших пес-
нях Новеллы Матвеевой,
Владимира Высоцкого — их
можно «читать глазами».
Конечно, у магнитофона
есть свои преимущества, но
книгу он все-таки не заме-
нит.

— Спасибо на добром слове.
Мне трудно говорить за моих
товарищей, но для меня, конеч-
но, в этом «эстрадном» жанре
главное — стихи, и я люблю
читать их, как говорится, «гла-
зами». И должен сказать, что
именно здесь случаются нехи-
жидные парадоксы: очень
эффектные «песни», напечатан-
ные на бумаге, становятся сла-
быми и невыразительными, а
для меня это всегда большая
потеря.

Знаю, что так же, как и я,
относился к поэзии Владимир
Высоцкий — в своих песнях
ценил прежде всего стихи.
Как мечтал он увидеть свою
книжку! Не книжку даже — хоть
строчку своих стихов опублико-
ванную. Иногда что-то и печата-